

АРТУР АРАПОВ

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Продолжение

Фантастически-
юмористический

РОМАН

12+

Артур Арапов

Изобретатель. Продолжение

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Арапов А.

Изобретатель. Продолжение / А. Арапов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Продолжение захватывающих фантастических приключений изобретателя Прохора Ключева и его друзей, среди которых есть не только земляне, но и весёлые инопланетяне. Действие разворачивается на воде, на суше и в воздухе, как в американских «каменных джунглях», так и в русской глубинке. А ещё... Будьте осторожны! Книга нашпигована юмором!

Артур Арапов

Изобретатель. Продолжение

Краткое изложение первой книги.

Молодой человек, изобретатель Прохор Петрович Клюев, вынужден уехать из родного города в одну из захудалых деревушек и стать постояльцем простого деревенского холостяка Михаила Ромашкина.

Внезапно осененный своей новой научной идеей, Клюев поднимает в небо дом Ромашкина, вместе с хозяином и его собакой. Чуть позже к компании присоединяется незваная гостья, Лена – продавщица макаронных, хлебобулочных, винно-водочных и прочих изделий. Прохор красит дом неким веществом, которое может делать невидимым практически всё, что угодно.

Всё это время за изобретателем следит детектив Фёдор Борзов, нанятый страшным человеком, Сухаревым Сидором Сергеевичем, не имеющем никакого понятия о существовании такого понятия, как «гуманность».

Компания изобретателя держит курс на остров бананового магната, чтобы осуществить план продажи «летающего дома» хозяину этого острова.

Ряд обстоятельств, в частности потеря гравитации, ослабляет хватку Сидора Сергеевича, и на остров бананового магната Прохор Клюев и его друзья добираются уже без преследователей.

Банановый магнат оказался отцом изобретателя, считавшимся погибшим. Он был учёный, профессор-биолог и т.п. много чем занимался на своём острове, и даже умудрялся поставлять бананы на другие обитаемые планеты. Прохор не мог этим не заинтересоваться. В один из космических полётов астронавты случайно оказались на планете Дивия, где попали в тюрьму для пришельцев. Потом был побег изобретателя из тюрьмы, при помощи одной странной особы, встреча с инопланетными жителями, их миром, культурой. Далее последовало освобождение профессора и остальных узников, небольшая революция на Дивии, возвращение на Землю, обретение изобретателем родной матери, и, наконец, любви, в виде инопланетянки.

Предисловие автора.

Если в былые века достаточно было уметь мало-мальски грамотно излагать собственные, или же чужие мысли, то теперь, чтобы тебя кто-нибудь услышал, требуется вывернуться наизнанку, вылезти вон из кожи!

– Эй-е-ей, ау-у-у, читатель! – надрывается горемычный «летописец», стуча всей увесистостью своего жалкого пёрышка. Брызгая чернилами и марая всю округу кляксами, взывает он изнутри исписанного листа своей книжонки, хоть к какой-то живой душе. – Помогите! Не дайте заблудиться моим великим трудам в безызвестности и безысходности!

Но только эхо, заунывным воем отвечает этому несчастнейшему из смертных.

Всё труднее и труднее в наши дни становится писать интересные «вещи». Удивлять уже нечем. Технический прогресс, по прозвищу «интернет», заполнил собою всё вокруг, заливая информационным потоком людское сознание (или то, что таковым считается), как паводок

заливает всю округу. Любую мысль, что автор того или иного повествования отважится передать на бумаге, тут же можно проверить на достоверность, на качество смысловой нагрузки и прочие составные элементы в бесконечной сети мировой информации. Тайны, которые веками таили внутри себя многостраничные книги, и до которых можно было добраться только через многочасовой труд, сейчас развешены по страницам сайтов в виде цитат и практически не представляют собой объекта для большого интереса, так как уже не являются тайнами, и не требуют от читателя трудоёмкой читательской любознательности.

И что же делать бедному современному писателю? Отречься от смысла своей жизни? Сломать печатную машину в своей голове? Бросить любимых героев на произвол судьбы? Любимые герои...

Плох тот писатель, который не живёт жизнью своих героев, не просыпается с ними поутру в одном шалаше, не мокнет под дождём, не охотится на мамонта, не давится куском сырого мяса, трапезничая с ними с одного ножа, не переживает их беды и радости, не служит им надеждой и защитой.

Любимые герои...

Родившись однажды на белом листе бумаги, воплощённые человеческой мыслью, они навсегда оставили глубокий след в сердце писателя. Да что там след! Они просто истоптали его сердце вдоль и поперёк, вольно и невольно путешествуя по нему, как по необъятному простору.

Они зовут вернуться в их мир. Они живут верой в новые странствия.

Приключения должны продолжаться!

Самара. Ноябрь 2013 г.

1

Утреннее солнце нежно ласкало морду спящей собаки, наполовину высунутую из будки. На острове было всегда тепло, и имелась возможность ночевать где угодно (ошейник с цепью давно уже не давил на мохнатую шею четвероногого друга человека, поскольку отсутствовал), но Бим своей собачьей душой так привязался к своему собачьему дому, что предпочитал его любому другому, даже самому мягкому уголку той или иной вселенной.

Уже четыре года и два с половиной месяца Ромашкин не видел Ключева-младшего. Как и остальные островитяне, живущие под опекой бананового магната, Михаил со своей женой Еленой с радостью принимали участие в размеренной жизни острова и росли нравственно и духовно. Грустить по поводу разлуки со своим другом и наставником, изобретателем Прохором, у семейной четы Ромашкиных не было ни повода, ни желания. Три года назад Елена родила мальчика, которого сразу назвали Сашей, в честь известного Русского классика (а может и не поэтому), а ещё через полтора года осчастливила любящего мужа двойняшками – сыном и дочкой – Геной и Дашей.

Пётр Данилович в свою очередь не забывал передавать Прохору и Алаيه от Миши и Лены многочисленные подарки в виде банок с солёными патиссонами и банановым вареньем, когда по праздникам, транзитом, отправлял на Дивию очередную посылку с гостинцами.

Ах, как жаль того, кто ни разу не был на Дивии! А если и был, возможно, не в то время, что описано здесь, а в своём далёком будущем, в котором космолёты новых поколений с лёгкостью стали перемещаться в любые уголки любых галактик.

В те дни, когда на Земле, да и на большинстве других планет (о жизни на которых земляне могли иногда догадываться), о перемещении в реальном пространстве без пропеллера и иных

«допотопных» дополнений ещё только мечтали, на Дивии прекрасно были развиты полёты при помощи магнитных волн и квантовых двигателей.

Немало новшеств, в сфере технического прогресса, появилось на Дивии благодаря и Прохору Петровичу Ключеву. Где только не были задействованы его разработки в области антигравитационной механики. До полной идиллии, конечно, было ещё далеко, но жизнь на Дивии шла своим размерено-уверенным шагом, всё выше и выше, без лишнего шума, без ненужной возни, и без каких-либо прочих нелепостей.

Прохор всё это время был полностью поглощён своей женой и своим ребёнком. Мальчик рос довольно быстро. В свои три с половиной счастливо прожитых года (конечно, по земному летоисчислению) он умел не только читать, писать (и ударение в последнем слове следует ставить на втором слоге!), и управлять летающей чашкой, но ещё и обыгрывать в Дивийские «шахматы» самого старину Синха, что удивляло даже его секретаршу. Алайя была, как говорится, на седьмом небе от счастья, приносимого ей самыми близкими её людьми.

Вечерами Прохор с удовольствием рассказывал синеволосому Филемону (именно так, после некоторых раздумий, назвала сына Алайя, хотя, землянин настаивал, чтобы сына назвали Филантроп*) о далёкой, невидимой с Дивийской земли планете, на которой он родился, вырос, и научился пониманию таких замечательных вещей, как физика, химия, математика и геометрия.

– Я бы хотел полететь на твою планету, – говорил сын Прохора. – Но, боюсь, меня мама пока не пустит. Скажет, что я ещё не совсем взрослый ребёнок.

– Обещаю, мы обязательно полетим на Землю, в гости к людям.

– Когда? – оживлялся малыш. – Завтра?

– Нет. Но очень скоро.

– Через восемь тысяч микролет?

– Практически. В самом ближайшем будущем. У твоего деда будет юбилей, вот мы и преподнесем ему подарок!

– Ура-а-а! – радовался малыш, выпивая кружку молока ухана* и бодро отправляясь в свою спальню.

Через двадцать семь дней Петру Даниловичу исполнялось 55 лет. Несмотря на это, седина едва лишь коснулась висков профессора-биолога, а его усы были всё так же роскошны и свежи, как и в молодости.

Алайя, которая тоже ещё ни разу не была на Родине Прохора Ключева, с радостными мыслями, собиралась в межпланетное путешествие.

– Как ты думаешь, – спросила синеволосая женщина у своего мужа за завтраком. – Что бы обрадовало твоего отца в качестве подарка на пятидесятипятилетие?

– Думаю, самым лучшим подарком для моего бати будет парочка детёнышей ухана, – предложил Прохор. – Которых ему вручит наш сын.

– Конечно! Он же биолог! – вспомнила Алайя. – А давай, подарим ему ещё вот это молодое апельсиновое дерево! Такие деревья пока только у нас на Дивии выращивают, и оно ему очень понравится.

– Почему бы и нет? Давай, подарим. Думаю, банановый остров от этого только выиграет, и пингвины с павианами будут довольны ещё большему богатству в рационе своего питания!

Отец Алайи, к сожалению, был вынужден отказаться от полёта на планету своего зятя, не только потому, что он всё никак не мог забыть того страшного дня, когда земляне хорошо «пощипали» его тарелку, но и оттого, что врачи запретили ему улететь далеко от дома.

– Жаль, что я не могу полететь с вами, – сказал тесть Прохора. – Но я хочу попросить моего друга Синха, если вы не против, чтобы он полетел вместо меня, и чтобы он был вам другом и помощником в вашем путешествии.

– Конечно, дедушка, мы не против! – ответил за своих родителей синеволосый внук отца Алайи.

В кабинете старого друга семьи Прохора, бывшего космонавта, физика, химика, геолога и просто замечательного дивиянина Синха, привычно пахло хризопразом, ползали гигантские улитки, и летали поющие бабочки.

Алайи и Прохор сидели за сервированным столом, пили чай и налегали на бублики, искусно приготовленные роботом-секретаршей.

Синх был очень рад гостям. Ещё больше он был рад их предложению, полететь с ними на Землю.

– Безусловно! Какой может быть разговор! Я полечу с вами на Землю, мои дорогие! – воскликнул радостно Синх. – Зина! Немедленно собирай мои вещи!

Вдохновенно жестикулируя, чёрно-жёлтый ценитель аромата хризопраза стал носиться по периметру всего помещения, восклицая отдельные, ничего не значащие фразы. Иногда, он резко останавливался, восклицал ещё громче и вдохновенней, и снова пускался вприпрыжку по комнате. В преддверии весёлого путешествия, он уже рисовал в своём возбуждённом воображении красочные картины зелёных лесов, населённых дикими коровами, которых называют «лоси», сказочных болот с гиппопотомами, голубых небес, усеянных крылатыми ангелами в лапах и с длинными клювами, и разные прочие виды земной биосферы, о которых неоднократно слышал от Прохора.

– О-о! – восклицал Синх. – Голубчики мои! Это будет незабываемо!

Собрав вещи своего начальника, робот-секретарша поставила чемоданы в центр кабинета, а сама села на стул и насупилась. Наткнувшись на неё взглядом, Синх вернулся, наконец, на Дивию.

– Что случилось, Зина? – спросил он, несколько озадаченно.

Секретарша, похожая на цаплю, только тяжко вздохнула. Синх тоже вздохнул, присел рядом с Зиной и ещё пристальнее посмотрел на неё.

– А-а-а! – протянул старый химик, догадавшийся, в чём тут дело. – Тебе грустно оттого, что ты останешься в этом доме совсем одна?

Цапля Зина вздохнула ещё тягостнее.

– А ещё говорят, будто роботы ничего не чувствуют...

Было умилительно видеть, как растроганно скисло выражение лица старины Синха. Он уже готов был заплакать и даже отказаться от полёта на Землю.

– Зачем оставлять Зину одну?! – спохватился изобретатель. – Хороший человек, даже если он робот, всегда пригодится в дороге!

На семейном совете было решено: Прохор, Алайи, их сын, парочка уханов, а также Синх и Зина, как надёжное сопровождение семьи Ключева, отправятся на Землю в ближайшую пятницу, сразу после восхода солнца.

За улитками и бабочками Синха вызвался присмотреть отец Алайи.

3

Ранним утром в пятницу (изобретатель никак не мог привыкнуть к календарю Дивиян, поэтому вёл собственный) народ собрался на площади Доброй Славы, чтобы проводить летающую чашку с командой астронавтов, во главе с Прохором, в далёкое путешествие к иным мирам, а точнее – на Землю.

Можно было бы и не упоминать, что практически все жители Дарга – да что там Дарга!? Всей Дивии! – уважали и любили Прохора и всю его семью так сильно, что не могли не прийти на эти проводы, или хотя бы, не прислать телеграммы с добрым пожеланием «счастливого полёта!».

Президент Скирд собственноручно приволок какой-то громоздкий ящик, передал его Прохору, и потребовал, чтобы посылку вскрыли только на Земле, в присутствии Петра Даниловича.

– Это подарок для твоего отца и моего друга, профессора, – уточнил Скирд. – От всех дивиян и от меня лично.

Без шума (если не считать возгласов и песнопений провожающей толпы), без треска и дыма, летающая чашка аккуратно поднялась в тёмно-зелёное утреннее небо. Вот она сделалась крохотнее самой далёкой звезды, ещё не растаявшей в лучах дивийского солнца. Короткая вспышка, и космический аппарат, подхваченный скоростью света, мгновенно исчез в голубо-окой вселенной.

4

Вечность состоит из мгновений. Бывает так, что самая длинная вечность, кажется короче самого короткого мгновенья, или, наоборот, самое короткое мгновение – длиннее самой длинной вечности. Отчего это зависит, никто точно не знает, но многие догадываются, что зависит это от внутренних ощущений, внешних обстоятельств и разнообразных, малоизученных, научных и ненаучных факторов. Прохору показалось, что полёт продолжался не больше десяти часов. Мозг его был, как всегда занят множеством важнейших задач и поочерёдно переключался с одной идеи на другую. Над чем он работал, знал только он сам и его тетрадка, в которую он регулярно записывал непонятные каллиграфические иероглифы.

– Вот и Земля! – воскликнул вдруг Синх, узнавший в невиданной доселе планете ту самую, которую ранее рассматривал на изображениях.

Прохор оторвался от тетради и посмотрел на экран над приборной панелью. Прямо по курсу, в центре экрана дальнего видения ярко отображались очертания округлённой биомассы, состоящей из воды, земли, воздуха и прочих соединений элементов таблицы Менделеева.

– Да, это она, – подтвердил изобретатель. – Моя планета – практически идеальное сочетание физических и химических свойств и процессов.

Он с удовлетворением обнаружил красоты родной планеты на прежнем месте. Всё те же облака, океаны, моря и реки, горы, леса, поля, холмы и снова реки.

В глазах Алайи, при виде так быстро увеличивающейся на экране Земли, промелькнул некий неосознанный страх. Прохор взял руку жены и ласково улыбнулся.

– Не волнуйся, – сказал он. – Мы не будем встречаться со всеми представителями этой огромной планеты. Мы высадимся на острове моего отца, где царит только добрая атмосфера, такая же, как в нашем славном Дарге.

– Зина! – позвал Синх, и секретарша тут же подлетела с подносом, на котором стоял чай и лежали лепёшки. – Мы скоро приземлимся, надень, пожалуйста, свой самый праздничный наряд и подготовь мой новый оранжевый костюм.

– Он Вам очень к лицу! – любезно сообщила Зина и отправилась исполнять свои служебные обязанности.

А Филемон, не обращая внимания на взрослых, полностью отдавшись своему любопытству, разглядывал мелкие подробности, всё более и более приближающегося, живого организма – земного шара.

5

Там, внизу, на поляне обрамлённой кокосовыми пальмами и банановыми деревьями, толпились разноликие люди. Жители острова давно были готовы завалить гостей букетами ярких цветов и всяких съедобных подарков.

– Смотрите! – крикнул кто-то из аборигенов, показывая пальцем в небо. – Летит!

И в самом деле, в небе над островом показалась летательная чашка с планеты Дивия.

Публика начала взволнованно лепетать, и готовиться к необычной встрече. Прохор сообщил межпланетной телеграммой, что с ним приедут инопланетяне, и это не могло не заинтересовать буквально всех жителей острова. «Какие они, эти инопланетные существа? Как они выглядят, разговаривают?»

Ни для кого не было секретом, что сын гостеприимного хозяина бананового острова перебрался жить на другую планету, живёт с какой-то синеволосой инопланетянкой и что у них родился сын, но большинство не видели даже фотографий Алайи и Филемона.

– Ну, слава Богу! – выдохнул Пётр Данилович, разглядевший знакомый летательный аппарат. Он повернулся к жене и виновато улыбнулся. – Все эти перелёты последнее время стали меня пугать.

– Наверное, Петенька, у тебя появилось много такого, чем ты стал по-настоящему дорожить, – предположила его жена.

– Ты самая мудрая из женщин, – констатировал профессор, без намёка на шутку.

Сводный оркестр европейцев, азиатов и папуасов грянул своим самым парадным маршем, и нависшая над поляной летательная чашка, поблёскивая своим фосфорирующим корпусом, местами запылённым космической пылью, начала плавно приземляться. Ещё минута и её «ходули» коснулись зелёной травы космодрома, на который ещё ни разу не приземлялся летательный аппарат с настоящими инопланетными гостями. Люк отъехал в сторону и всеобщему обозрению предстал синеволосый мальчуган с апельсиновой кожей, несколько крупноватый для своих лет, ярко отображающихся на его лице. Следом за ним показался сын бананового магната, изобретатель Прохор Клюев, держащий за руку синеволосую инопланетянку в коротком платье и странных туфлях. Потом чёрно-жёлтый пришелец в оранжевом костюме, с большой головой и тонкими конечностями, и какая-то инопланетная «оглобля», отдалённо напоминающая некую «термоядерную» смесь – бизнес леди и огородного пугала.

Прохор что-то сказал мальчику и тот, посмотрев по сторонам, пошёл прямо навстречу Петру Даниловичу, куда направился и изобретатель с Алайей.

– Приветствую вас, земляки! – воскликнул на ломанном русском чёрно-жёлтый пришелец Синх, и многие в толпе не сдержали смеха.

– Синх, ты немного напутал, – шепнул Прохор. – Не «земляки», а «земляне»!

– Ах, да! Конечно же, земляне... Приветствую вас, земляки! – воскликнул он снова, подавшись внезапному волнению и вторично ошибаясь, отчего хохот стал ещё громче.

– Здравствуй, земляк! Приветствуем тебя, земляк! – подхватили весельчаки, и поляна разразилась общим весельем.

– Здравствуйте! С приземлением!

К ногам вновь прибывших посыпались букеты цветов. Синеволосого мальчугана тут же затискали десятки рук, обнимая, лаская, одаривая экзотическими подарками и фруктами. Под общее ликование, Прохора подхватили и стали подбрасывать к небу. Такой же участи не избежали Синх и Алайя. Секретаршу Зину, на её счастье, поднять не удалось.

– Я немного говорил на ваш язык, – пытался пояснить Синх, когда его опустили на землю. – Прохор учить меня десять микролет земная речь.

– Здравствуй, мой дорогой друг Синх! – воскликнул профессор на языке дивриан, который бережно хранил в своей памяти. – Не утруждай себя трудоёмкими заботами. Мой сын, похоже, забыл, что на моём банановом острове в обиходе своё, особое наречие, и все говорят больше жестами, чем словами.

– Папа, Синх – один из самых настырных учеников, так как сам является учителем, – смеялся изобретатель, обнимая поочередно своих родителей.

В скором времени и остальные «пришельцы» последовали его примеру.

6

Не хотелось бы никого обижать, но есть такие авторы, которые любят тщательно размазывать своё повествование, как масло по куску батона, терпеливо разглаживая каждый бугорок, заполняя каждую выемку, как будто измываясь над своей жертвой – читателем. Есть среди писателей и такие шарлатаны, которые наоборот, очень любят заинтриговать недотёпу-читателя недомолвками, обрывками фраз, мыслей. И то, и другое, делается в конечном итоге для того, чтобы история рассказчика вызвала живой интерес, ведь именно он ведёт к раскрытию «тайны» (которой, возможно, никогда и не было), заключённой в книге.

Совсем другое дело, когда (как в романе подобном этому) основной задачей автора является холодная, если можно так выразиться, прямолинейная констатация фактов. Тут уже не до украшательства. Автору требуется передать, и как можно точнее, то, что имело место быть на самом деле, а не развлекать читателя банальными подробностями.

Остров бананового магната чрезвычайно поразил Алайю. Её широко раскрытые зелёные глаза заглядывали в каждый уголок благоухающего убранства природы, пёстрой растительности, живности и празднично украшенных строений. Её синие волосы, казалось, отражают местное небо, как отражает его глубоководное волнение тихого океана, а лёгкий наряд переливается с цветами, бабочками и стрекозами, окружившими её своим любопытным вниманием.

Впервые в жизни Синх замолчал от смеси чувств – восторга и удивления. Он, разумеется, никогда раньше не видел наяву синего неба и столько банановых деревьев. У Зины, похоже, случилось короткое замыкание. Она стояла с открытым ртом, глаза её крутились в разные стороны, и руки лихорадочно подёргивались. Что же касается сына Алайи и Прохора, то можно с уверенностью сказать, Филемон был просто в полном восторге.

Стоит ли утруждаться упоминанием, что главная поляна острова бананового магната гудела, и весь день кипела весельем по случаю возвращения «блудного сына» в родные пенаты. Какой интерес вызвала компания инопланетян, вообще можно было бы лишний раз не наме-

кать, это более чем понятно и так. Объятия были розданы, добрые слова были сказаны, подарки вручены по назначению.

– Эту статую, дорогой свёкор, для Вас лично передал наш президент Скирд, – мило улыбаясь, объявила Алайя.

Пётр Данилович увидел то, что предстало перед ним, и лицо его перекопилось загадочной улыбкой.

На огромной связке бананов важно возвышался, задрав руку куда-то к звёздам, долговязый истукан, всем своим видом, более чем очевидно, напоминающий Петра Даниловича.

– Хм, – хмыкнул себе под нос профессор, так, что никто не расслышал. – Тяжёлая, наверное, штука! Её можно рядом с фонтаном поставить, перед Дворцом бракосочетания.

Ближе к ночи праздничный стол был наконец-то почти обглодан и гости стали один за другим испаряться в густой темноте кокосо-банановых джунглей.

Наконец, стало совсем тихо, и Прохор с Петром Даниловичем обнаружили, что кроме них за столом никого не осталось.

Оставшись наедине, отец и сын ещё долго разговаривали, о своих новых открытиях, научных и не только, о Земле, о Дивии, обо всём, что приключилось с ними за это время.

– Да, сын мой, что верно – то верно, произошедшее в нашей жизни каких-то пять лет назад, можно было бы по праву причислить одновременно к нескольким художественным жанрам: к приключениям, фантастике, и к детективу. Я до сих пор ночами просыпаюсь в холодном поту, когда снится зелёный «борщ», который нам подавали на обед в тюремном «ресторане» Лепоса.

– Твои угощения, папа, намного вкуснее и привлекательнее выглядят, это точно! – не удержался от похвалы Прохор.

– Могу сказать без ложной скромности. Лучшие повара живут на моём острове: им здесь нравится, – не преминул заметить банановый магнат. – Кстати, вот, изволь полюбопытствовать!

Будто вспомнив какую-то забавную вещицу, Пётр Данилович достал откуда-то из-под стола небольшой свёрток и извлёк из него прямоугольный предмет.

– Книга? – догадался Прохор.

– Да, если можно так выразиться, – кивнул профессор. – Это тебе «на память».

Приняв из рук профессора загадочный экземпляр, изобретатель прочитал заглавие и удивлённо посмотрел на отца.

– Вот именно, – кивнул головой Пётр Данилович. – Какой-то фантаст (явно скрывающий своё истинное лицо под безобидным псевдонимом) раструбил о наших с тобой приключениях по всему свету. Мерзавец! Хорошо ещё, что люди на Земле не столь доверчивы, и видят даже в самой откровенной правде чистый вымысел.

– Любопытно, – произнёс Прохор, перелистав несколько страниц. – Судя по первому впечатлению, творец этого "труда" собрал воедино все слухи, которыми грешат вездесущие пустомели, и свалил их в одну кучу.

– Наиглупейшее враньё! – согласился профессор. – Нам-то с тобой лучше всех известно, что всё было совсем не так, как здесь написано.

Он ткнул пальцем в "наиглупейшее враньё" и добавил:

– Но, с другой стороны, сын мой, было бы гораздо хуже, если бы эта книга выглядела правдивой. Представляешь, сколько бы было шума в научных кругах?! Они бы все разом сошли с ума, стали бы бесшабашно пользоваться нашими открытиями, и окончательно бы угробили Землю в считанные столетья!

Если и есть в одиночестве какая-нибудь польза, то только оттого, что в одиночестве никто не мешает думать об обществе. Многие любят уединяться, когда есть такая возможность, чтобы в тишине и покое порассуждать о том, о чём нет возможности подумать в многолюдной компании. Но случается часто так, что вообще нет никакой возможности уединиться и поразмышлять. Заботы, хлопоты, семьи...

И тогда некоторые, недодуманные когда-то мысли, вдруг являются сами собой в самый неподходящий момент.

На завтрак вся честная компания собралась на втором этаже дворца бананового магната, в банкетном зале, строго выдержанном в стиле барокко. За столом велись разговоры на различные темы, как понятные только узкому кругу, так и общей тематики.

Больше всех говорил Синх, уже успевший изучить уклад жизни большинства землян по просмотренным среди ночи «новостям» из телевизора.

– Просто странно, что большинство из того, что используют люди на вашей планете, расходуется, расщепляется на ненужные компоненты и ниоткуда не пополняется. Неужели за столь великое количество микролет существования вашей цивилизации вы так и не научились выращивать материю искусственным путём?

Синх по привычке говорил быстро и сбивался с языка на язык, но профессору понять его было не трудно.

– Мы ещё только учимся, – виновато улыбнулся добродушный хозяин острова. – Мы уже давно знаем, как выращивать многие полезные и вредные бактерии, умеем создавать различные материалы, воздействуя на молекулы физическими или химическими процессами, перерабатываем отходы в удобрения...

– А много ли в этом проку? – перебил Синх. – Зачем портить уже существующее, "создавая" из него всякую всячину, а затем выбрасывая или перерабатывая в удобрения? Не лучше ли, в таком случае, вообще, оставить всё как есть?

– Многие земляне тоже часто об этом задумываются, Синх. – ответил Пётр Данилович. – Но...

– Но одно дело – думать, а другое – делать! – не задумываясь, довершил мысль замешкавшегося профессора Синх. – Жители любой планеты должны заниматься главными заботами своей планеты, ведь их планета даёт им самое главное – жизнь. А в ваших «новостях», на экране, как я видел, все только и делают, что обсуждают проблемы, вместо того, чтобы делать общее полезное для планеты дело. Разве можно построить хороший мир, истребляя природу?

– У людей слишком маленькая продолжительность жизни, мой друг, поэтому они и торопятся успеть пережить как можно больше впечатлений, и не особо успевают думать о планете, тем более делать для неё что-то полезное.

– Это не правильно. Почему бы в таком случае людям не задуматься о создании препарата для увеличения человеческой жизни? Тогда бы не приходилось так торопиться.

– Поэтому мы с отцом и трудимся над продвижением научного прогресса, уважаемый Синх, – сказал изобретатель, решив, наконец, поддержать беседу, совсем не из вежливости, а по велению умственного интереса. – Ведь большинство проблем в безграмотности общества. И если нельзя добиться всеобщего просветления искусством и культурой, которые не имеют авторитета перед невежеством, то, по крайней мере, можно повлиять на общественное сознание, иными методами – осветив мир научными достижениями.

Михаил Ромашкин и Алайя (она давно изучила разговорную речь землян с помощью своего мужа) не прислушиваясь к диалогу Синха с профессором, вели душевную беседу на темы более приземлённые. Елена, не скрывая своего любопытства, внимательно разглядывала инопланетянку, так чисто говорящую на русском языке, и слушала её мелодичный голос.

В момент упоминания Михаилом далёкой деревни, где в его мыслях остался его родной дом, а на самом деле остался лишь участок, огороженный забором, сад и пара сараев, ведь, как известно, его дом улетел вместе с хозяином, Елена неожиданно всхлипнула и начала плакать, сначала тихо, сдержано, а потом вздохнула.

– Что случилось? Что... Лена, – залепетал взволнованный муж плачущей особы. – Что-то невкусное попало? Подавилась?

Несколько минут сотрапезники недоуменно наблюдали эту картину. Затем бурные рыдания прекратились, всхлипывания стали реже.

– Я пять... я пять лет... не ви... не видела маму! – сквозь слёзы попыталась объяснить бывшая продавщица.

Детские воспоминания, родной дом, деревня, в одно мгновение пронесли в её мозгу и всколыхнули события пятилетней давности.

Конечно, она не собиралась забывать свою старенькую, заботливую маму, но вскруживший голову полёт на летучем доме, банановый остров, потом рождение собственной семьи, ребёнка, и ещё детей... И, само собою, так получилось, что о самом главном человеке всей своей прошлой жизни, о той, без которой явиться на свет навряд ли бы у неё вышло, Елена вспомнила только сейчас.

Миша облегчённо выдохнул, стёр салфеткой со лба проступивший пот и уселся обратно на своё кресло.

– Зачем же так народ пугать? – с глупой, но милой улыбкой обратился он к своей заплаканной жене. – Разве это проблема? Думаю, мы с Прохором хоть сейчас можем слетать за ней в деревню, и привести её сюда. Ведь, правда, Пётр Данилович? Это же не долго, если на летающей кастрюле?

– «Летающая кастрюля», как ты её называешь, – это слишком серьёзный и заметный объект, Миша, – уточнил изобретатель. – Лучше лететь на твоём доме. Думаю, он ещё не развалился.

– Разве я мог допустить такое, сын мой! – воскликнул профессор. – Ваш летающий дом находится в полном здравии. Кстати, по моему распоряжению, в нём делалась генеральная уборка, и был произведён мелкий ремонт. Местами требуется подкрасить фасад твоей чудо «краской», чтобы вернулась полная невидимость. Но, надеюсь, вы не соберётесь в путь прямо сегодня, лишив нас своей компании? Отложите хотя бы на денёк-другой!

– Возьмите и нас с Зиной, – предложил Синх. – Мы вам пригодимся. Это будет увлекательная экскурсия!

– Ну, что ж, – заключил Прохор Клюев. – Если нас отпускают наши жёны...

– Нет! – запротестовала жена Михаила Ромашкина. – Как же без меня? Мама вас знать не знает! Перепугаете ещё её до смерти! Я должна сама... с вами...

– Как же ты полетишь? – перебил Миша. – Детей-то куда?!

Елена на секунду задумалась. Потом взглянула на Алайю.

– Летите, – успокоила зеленоглазая инопланетянка своим мелодичным голосом. – Мы со свекровью присмотрим за детьми.

Бим сразу же полюбил Филемона всей своей собачьей душой. Уже немолодой, но ещё и не старый пёс, конечно же не мог не любить детей своего хозяина, да и всех остальных жителей славного острова, но в Филемоне он почувствовал, каким-то сверхчутким собачьим нюхом, самую родственную душу. Синеволосый мальчик с планеты Дивия, сын Прохора и Алайи, который до этого никогда не видел живых собак (мёртвых, разумеется, тоже), а видел лишь их изображения и игрушки в виде пушистых комочков, был искренне рад такому расположению чёрно-рыжего лопоухого создания, и отвечал на его лохматое дружелюбие полной взаимной симпатией.

Как упоминалось, в отличие от детишек Миши и Лены, (впрочем, и от остальных земных деток тоже), Филемон выглядел намного старше своих трёх лет и в физическом, и в интеллектуальном смысле, но он всё равно оставался ребёнком со всеми детскими привязанностями к играм и забавам.

Вторые сутки Бим и Филемон были неразлучны и не отходили друг от друга дальше, чем на расстояние слышимости голоса. Спать Филемон не хотел даже ночью, т.к. был приучен к режиму Дивии, где время было намного медленнее. Бим засыпал и просыпался рядом с синеволосым мальчиком, бегал с ним по лужайке и крутился вокруг, играл, как юный щенок, бежал за палкой, бросаемой рукой Филемона, и гордо приносил её в зубах. Он готов был поделиться своим главным сокровищем – самой вкусной косточкой, запрятанной за его будкой, но для этого потребовалось бы бежать в противоположную сторону от дворца бананового магната, к новому дому Ромашкиных, туда, где начинается мини-космодром, а он не мог оставить своего друга, ни на минуту.

– Бим! – восклицал Филемон, явно радуясь тому, как легко произносится это имя (или кличка, что в сущности ничего не меняет). – Ко мне!

И Бим, который и так был рядом, прыгал, лаял и весело вилял хвостом.

Близился вечер. Пётр Данилович сидел в плетёном кресле на балконе, в тени пальмы, раскинувшей свои листья-крылья, как вертолёт, и любовался творениями своих рук, ума, и прочих участков души и тела.

– Я живу жизнью поистине настоящего учёного, – серьёзно и гордо произнёс профессор. – Моя жена – клон, мой сын – плод любви человека и клона, а внук – инопланетянин!

На балконе уже час как никого кроме него не было, гости разошлись кто куда, но он продолжал говорить вслух, будто общаясь со своим островом, или ещё с кем-то необозримым, взирающим с небес на грешную Землю.

– Петенька, ты опять разговариваешь сам с собой, – ответил профессору хорошо знакомый голос откуда-то сбоку.

– Старею, – медленно проговорил Пётр Данилович.

Его милейшая жена, цветущая всё тем же юным цветом, как и тридцать лет назад, подойдя к любимому мужу, лукаво улыбнулась в ответ, прекрасно понимая его юмор. Ей ли было не знать, что по-настоящему состариться её «банановому магнату», профессору биологических наук, практически не суждено, в силу его величайших познаний в области генетики.

– Посмотри, как вырос наш внук, – заметила молодая бабушка. – Он уже совсем взрослый.

– Растёт ни по дням, а по часам, вопреки любым доводам рассудка и стереотипным взглядам на природу, – согласился профессор. – И каким умным растёт! Не удивлюсь, если через пару лет он самостоятельно изобретёт что-нибудь великое – машину времени, например, вечный двигатель, или лекарство от всех болезней!

– А что, звучит! Учёный Филемон Прохорович Ключев, – улыбнулась женщина-клон, радуясь мыслям своего мужа.

– Ещё как звучит!

9

В экскурсиях инопланетян по острову бананового магната, в обедах, беседах, прогулках и многих других земных радостях пролетело два дня. Пора было выполнять обещание, данное Елене Михаилом, и другими участниками намечающегося путешествия, навестить маму Елены и доставить её на остров, разумеется, если добрая старушка не сойдёт с ума от счастья и согласится переехать к своим внукам.

Как и говорил Пётр Данилович, летучий дом был полностью исправен и готов к использованию. Прохор, при помощи Синха и Филемона, не желающего оставаться безучастным, подкрасил местами дом своим чудо-раствором. Сердобольная секретарша Синха Зина, по распоряжению Лены, притащила в кухню несколько мешков и коробок со съестными припасами. Ромашкин зачем-то взялся колоть дрова, потом бросил это дело и занялся удочками, которые откопал в чулане своего забытого дома. Пётр Данилович привлёк к работе, а точнее к развлечению, половину жителей своего острова, и те, от нечего делать, бросились помогать, каждый по-своему. Одни несли связки бананов, другие воду и ещё всякие напитки, третьи пытались всучить путешественникам какую-нибудь «нужную и полезную» вещь, четвёртые просто пели и веселили народ.

Наконец, с шутками-прибаутками, смехом и хоровым пением было покончено. Время приблизилось к полудню. Все приготовления были довершены. Оставалось в очередной раз пообедать за общим столом, и можно было отправляться в путь.

– Папа, а я полечу с вами? – нерешительно спросил Филемон. Ему совсем не хотелось расставаться с Бимом, которого было решено оставить на острове.

– Думаю, было бы несправедливо, если бы мы оба оставили маму, бабушку и дедушку без своего общества. Я вынужден отправиться в это путешествие, потому что без меня полёт на летучем доме невозможен. А ты оставайся тут и помогай маме. И помни, пока я отсутствую, ты главный мужчина в нашей семье!

– Хорошо, папа! – обрадовался синеволосый мальчик. – И мой друг Бим тоже будет способствовать в моей помощи маме, бабушке и дедушке.

10

Ах, какие чувства испытывало небо, находясь в своём блаженном состоянии над островом бананового магната! Как мило улыбалась природа, глядя на собственное отражение, замысловато обустроенное мудрым человеком!

В этот день аборигены и прочие островитяне, не имея лишних забот, провожали летающий дом в его новое путешествие. Пётр Данилович обнял сына, и, приободряя скорее себя, чем его, весело сказал:

– Завидую я вам! Такая прогулка!

– Максимум неделя, папа, и мы вернёмся. Тут лететь то не больше десятка тысяч километров!

Мама Прохора, со свойственным её характеру темпераменту, всё-же не удержалась от нескольких слезинок, и тут же заразилась ими Лену, которая разрыдалась так, что опять все пришли в замешательство.

– Берегите деток, Алай! Очень прошу, – взмолилась она. – Берегите деток! Мою Дашеньку, Геночку и Сашеньку... Я не вынесу, если кто-то из них, играя с павианами в прятки, сломает себе ногу, руку или шею!

– Не беспокойся, Елена! Я не позволю глупому павиану – хотя и не знаю, что это за человек – или ещё кому-нибудь, сломать шею вашим милым детям! – с твёрдой уверенностью в голосе обещала инопланетянка.

Елена тяжело вздохнула и её бурное рыдание перешло в редкое всхлипывание.

– Ох, спасибо... Спасибо, добрая Аглая! Я очень надеюсь...

Михаил Ромашкин, выглянув из окна «летучего дома», громко скомандовал:

– Все на борт! «Корабль» готов к отплытию! Жму кнопку «Старт»!

Но тут он заметил слёзы на щеках своей жены, и голос его сделался тише:

– Лена, может, тебе лучше остаться дома?

– Нет, я поеду с вами!.. и привезу внукам их бабушку, – убеждённо заявила бывшая продавщица и, взяв себя в руки, решительно переступила порог «корабля».

Синх уже сидел в кресле на веранде и выглядывал в окно на мерцающий за пальмами и банановыми деревьями океан. Его секретарша послушно ожидала какого-нибудь приказа, но он был на редкость молчалив: он никогда раньше не летал на подобных строениях, и дыхание его перехватывало от восторга!

Уже через десять минут летающий дом, благополучно воспарив над землёй, нёсся над бескрайним океаном, а островок бананового магната, благодаря научным «хитростям» профессора, казался не более чем туманный блик на волнуемом просторе.

– Где же мой лохматый друг? – спросил Филемон у своего дедушки. Он тщательно искал чёрно-рыжего пса повсюду, но никак не мог его найти. – Где же собака Бим?

Увы, Пётр Данилович не имел ни малейшего понятия, куда подевался этот «лопоухий бездельник», и мог только печально пожать плечами и развести руками, что означало: «пёс его знает!»

Облазив весь остров вдоль и поперёк, синеволосый мальчик Филемон так и не отыскал своего нового друга, который убежал куда-то на своих четырёх лапах. Как ни странно, но он не казался расстроенным, обозлённым, или опечаленным по этому поводу. Наверное, в силу своей уравновешенной внеземной жизни, он совсем не умел расстраиваться, злиться и печалиться, как и большинство дивиан, живущих на его далёкой планете. В его глазах была только озадаченность и недоумение, оттого, что он не смог до сих пор решить задачу с пропажей собаки.

Было уже ближе к обеду. Зевая и пошатываясь, Бим вылез из-под железной кровати (той самой, на которой когда-то давно в летящий по небу дом влетела продавщица Лена). Наигравшись с инопланетным мальчишкой вволю, он так утомился, что даже не заметил, как сладко задремал на своей старой подстилке, завалившейся под кроватью.

– Бим! А ты откуда взялся?! – удивился изобретатель.

Ничего не ответив, пёс вильнул хвостом, подошёл к уличной двери и пару раз тьякнул.

– Ну нет, теперь тебя долго никто не выпустит! – сказал Михаил. – Теперь тебя опять будет мучить «морская» болезнь. Мы в небе, дружочек! Так-то!

– Жаль, Филемон расстроится, он с ним так хорошо подружился, – посетовала Елена.

– Это правда, но возвращаться не будем. Мой сын растёт крепким мальчуганом, он выдержит эту кратковременную разлуку, ведь он привык к дивийскому времени, где сутки длятся втрое дольше здешних.

Секретарша Зина подошла к своему начальнику и робко спросила:

– Мой господин, можно я помогу этим людям, и отнесу это странное животное на остров к Филемону?

– Конечно можно, Зина! – согласился, обрадованный этим предложением, Синх. – Так мы сделаем добро человечеству!

– Нет-нет, Синх, – поспешил предупредить беду Прохор. – Зина, конечно, замечательная, можно сказать всемогущая... (он хотел сказать женщина, потом вспомнил, что она робот, и осёкся). Но отправиться на остров она не сможет. Понимаешь... Как бы получше объяснить... Несмотря на все свойства и навигаторы, которыми ты её снабдил, она не сумеет отыскать остров моего отца. Он его надёжно спрятал, с помощью своих новейших разработок, от всех глаз, навигаторов и локаторов.

– Твой отец – прекрасный учёный, я это давно знаю, – сказал чёрно-жёлтый инопланетянин. – Возможно, он даже не хуже меня... И это меня очень радует, мой земной друг!

11

– Горе тому путешественнику, который не умеет наслаждаться путешествием! – воскликнул Ромашкин и, схватив удочку, собрался немного порыбачить. Днём раньше, он модифицировал своё удилище под ловлю в морях и океанах, закрепив вместо крючка специально сплетённый им самим для этих целей небольшой сачок.

– В большой может попасться слишком крупная рыбёха, – пояснил, усмехнувшись, Миша. – Которая запросто утащит на дно самого рыбака и сама его там зажарит, и сожрёт, чтобы другим рыболовам неповадно было!

– Мой друг, – спохватился Синх, догадавшись, что собирается делать весёлый землянин Миша. – Зачем такие трудности, когда есть моя Зина?!

Робот-секретарша тут же вскочила со стула и встала перед Ромашкиным по стойке «смирно», в полной готовности исполнить всё, что потребует её великодушный хозяин.

– Зина легко принесёт любую вещь из любого места! – и инопланетянин многозначительно потряс своим тощим, похожим на кривой карандаш пальцем в воздухе.

– Рыба – не вещь, дорогой Синх. Рыба... Рыба – это рыба!

Размышляя над последними словами Ромашкина, любопытный Синх почесал свою большую чёрно-жёлтую голову, похожую на выпачканную сажей тыкву, и отправился в чулан, вслед за весёлым землянином.

Елена смотрела в окно. За окном расстилался поистине чудный пейзаж, пугающий и восхищающий одновременно: бескрайнее волнение воды дивно сочеталось с бескрайним спокойствием небесного простора. Как давно она не испытывала подобных ощущений! Казалось бы, каких-то три с половиной года минуло с той поры, когда летающий дом впервые принял её в свои злосчастные «пенаты», а как она отвыкла от них за это время! Остров «бананового магната» (как по привычке его называл Ромашкин) очень изменил жизнь и мировоззрение бывшей продавщицы. Бесспорно, она стала намного утончённее, мудрее и покладистой. Поспособствовала этому, конечно же, и семейная жизнь Елены. Но её основной характер, её темперамент «плаксивой натуры», если можно так выразиться, остался практически прежним.

– Очень странная среда обитания, – прервал её раздумья голос секретарши Синха. Оказывается она беззвучно стояла рядом с Еленой, и смотрела в ту же сторону, куда и задумчивая землянка.

– Что в ней может быть странного? – не поняла Лена.

– Всё это, – сообщила женщина-робот. – Зелёная жидкость внизу, с такой большой концентрацией соли, и живых организмов обитающих в ней; атмосфера необычного голубого оттенка; очень быстрое вращение планеты вокруг оси, и всего лишь два светила.

– Ты имеешь в виду Солнце и Луну? – вмешался в разговор, услышавший «доклад» секретарши Прохор Клюев.

Глаза секретарши отчаянно задёрнулись, показывая, что её мысли со скоростью света бултыхаются в ёмкости её памяти, и через некоторое время инопланетянка произнесла:

– Видите ли, Прохор Петрович, я полагаю, было бы гораздо эффективнее, если бы на вашей планете имелось дополнительно ещё одно солнце, и хотя-бы ещё две луны.

– Не могу не согласиться с Вами, Зина! – в тон мудрой «даме» подтвердил Прохор. – Но, увы, я не знаю, как исправить данную особенность нашей планеты.

– Ах, – сочувственно вздохнула женщина-робот. – Нужно обязательно спросить об этом моего начальника, Синха. Он что-нибудь придумает.

Повернувшись вокруг своей оси на 180 градусов, секретарша решительно направилась к двери в прихожую.

Синх в это время всячески помогал Михаилу ловить рыбу. Он так сильно увлёкся этой затеей, что совсем не обратил внимания на подошедшую к нему Зину.

– Давай-давай! – кричал довольный чёрно-жёлтый инопланетянин. – Тащи! Тащи её, голубушку!

И он доставал из сачка Михаила пойманную «голубушку», а Михаил, через открытую дверь веранды, снова умело забрасывал свою чудо-удочку.

– Мой господин, – в десятый раз попыталась обратиться к нему Зина. – Земляне нуждаются в Вашей помощи!

– Да-да, я уже помогаю им ловить рыбу! – хохотал Синх. – Тащи, тащи её, Миша!

Наконец, поймав уже десятую рыбку, Ромашкин прикрыл дверь и повернулся в сторону Синха, чтобы полюбоваться богатым уловом. Но, к его огромному удивлению, ни одной рыбки в поле его зрения не попало! Он заглянул в таз стоящий неподалёку, потом в ведро, подвешенное на гвоздь, – ни там, ни там – рыбы не было!

– Синх, а где же наша «голубушка»? – крайне озадаченно спросил Михаил у инопланетянина.

Широко улыбаясь, и явно удивляясь нелепому вопросу, Синх показал на море.

– Где же ей быть, как ни там?! Там же её дом!

Почесав затылок, Ромашкин посмотрел на открытое окно веранды, и, догадавшись что случилось, весело расхохотался.

– Так ты, Синх, пока я ловил рыбу через дверь, отпускал её обратно в воду через окно?!

– А разве надо было делать по другому? – не понял Синх.

Насмеявшись вдоволь, землянин попытался объяснить непонятливому инопланетянину, что эти живые существа предназначались для их желудков. Синх выпучил глаза.

– Ты хочешь сказать, что мы должны были съесть этих милых созданий?

– А зачем же мы их ловили, по твоему?!

– Я думал, для забавы. Я думал, игра в этом и заключается, чтобы один ловил, а другой отпускал. Я был уверен, что и рыбам это нравится!

Зрители (в лице Елены, Прохора и Бима), которые, заслышав шумиху, собрались, и успели увидеть эту забавную картину, поддержали Ромашкина дружным смехом и лаем.

На чёрно-жёлтом лице Синха было полное недоумение.

– Я прекрасно тебя понимаю, Синх, – сказал Прохор, перестав смеяться. – Большинство землян за миллионы лет привыкли к такому положению вещей, где многие живые существа считаются пищей.

– Это несправедливо! – воскликнул Синх.

– Возможно, мой друг... И разные философы неоднократно об этом задумывались, но... Так уж повелось испокон веков. Люди привыкли к животной пище настолько, что отказ от неё считается настоящим подвигом!

– О!.. – покачал головой инопланетянин.

– Да... Но в современном мире у каждого человека есть право выбора. На нашей планете немало «вегетарианцев» – людей, которые едят только растительную пищу. Я тоже сторонник вегетарианского образа жизни, и ем мясо только тогда, когда выбирать не приходится, вернее приходится выбирать между желанием выжить и голодной смертью.

Уединившись в спальном комнатке, Синх целый час просидел в задумчивости. Привыкший к полному порядку, царящему, как ему казалось, на его родной Дивии, он, может быть впервые за всю свою долгую беззаботную жизнь, не на шутку озадачился философскими мыслями на тему добра и зла.

А за окном мерно покачивался горизонт бездонных сил воды и неба, возможно, увлечённый своими, ещё более глубинными думами.

12

О, как часто автор подобной книги выходил из себя! «Ну, зачем я пишу свой «шедевр»? – кричал он, выскакивая из-за стола, смахивая рукопись на пол и выбрасывая очередную печатную машинку в разбитую форточку. – Оценят ли по достоинству современники, или хотя бы потомки, мои адские труды?!» Да, нелегко быть великим писателем!.. Но каждый раз, сжимая в кулак свои последние мысли, он требовал от Музы, казалось бы невозможного и продолжал творить!

На третий день полёта летающий дом оказался во власти самого настоящего шторма. Тучи накрыли всё небо. Разбушевался ветер. Грянули первые раскаты грома. Началась страшная гроза. Океан заревел, как разбуженный медведь. Волны вздымались до самого неба. Летающий дом в любую секунду мог разбиться об одну из таких волн. Бедняга Бим спрятался под кровать и трясся от страха. Синх, пытаясь успокоить перепуганную до полусмерти Елену, всячески кривлялся и напевал песенки. Клюев и Ромашкин копошились над приборами.

– Если мы не сможем подняться выше этой чёртовой бури, мы погибнем, – сказал Клюев взволнованному Ромашкину, так, чтобы никто не слышал.

– Главное не паниковать, – ответил Ромашкин, явно успокаивая самого себя.

– Прохор Петрович, – как ни в чём не бывало заговорила подошедшая вдруг секретарша Синха. – Не желаете ли чаю?

– Нет, Зина! Спасибо!.. Не сейчас! – отмахнулся от неё изобретатель.

– А вы, Михаил, – невозмутимо продолжила Зина. – Не желаете?..

– Ох уж, эти женщины!.. – выругался Ромашкин, забыв на мгновение, что Зина – робот.

Обиженная секретарша «откатилась» в сторону стола и в ту же секунду дом так трянуло, что поднос с чаем вылетел у неё из рук, а она сама, подкинутаая неведомой силой, рухнула на пол. Бим жалобно заскулил под своей кроватью. Елена вцепилась в руку Синха с такой силой, что его чёрно-жёлтая рука посинела. Синх мужественно держался за спинку дивана, надёжно привинченного к полу.

Высоченная волна всё-таки дотянулась до нижних венцов летающего дома и, будто смеясь, шлёпнула его своим мощным хвостом.

Миша Ромашкин, не успев ни за что ухватиться, нечаянно налетел на Прохора, который в тот момент как раз держал в руках рычаг ускорителя. Рычаг резко повернулся. На приборе управления гравитационной стабильностью замигали разноцветные лампочки.

– Держитесь! Крепче!.. – крикнул Прохор, пытаясь дотянуться до какой-то кнопки. И летающий дом, дрожа и сотрясаясь, стал резко набирать высоту.

Приняв положение в 50-60 градусов, летающий дом с бешеной скоростью мчался в самую гущу бушевавшей грозы. Гром страшно оглушал его "постояльцев". Молнии с треском проскальзывали по самому коньку крыши, но к счастью, благодаря специальному раствору, делающему весь дом невидимым, не причиняли большого вреда.

Наконец, Прохору удалось дотянуться до кнопки автоматической стабилизации уровня полёта. После этого он повернул рычаг ускорителя под определённым углом и дом выровнялся и стал более-менее плавно, упорно сражаясь со стихией, подниматься выше грозовых туч. Обитатели дома смогли подняться с пола, принять естественное положение, и вздохнуть спокойно.

Выбравшись из-под стола, секретарша Синха тут же подняла поднос и начала собирать на него посуду, которая разлетелась от удара волны по дому.

– Простите, Прохор Петрович, что я оказалась такой нерасторопной, – произнесла она извиняющимся тоном. – Но ваша планета не очень устойчивая. Вот если бы вы позаботились о создании дополнительного солнца и ещё одной луны...

Но Клюев её не слушал. Он заметил, что в результате столкновения с таким жутким штормом, управление летательным домом очень сильно пострадало, и он даже не знает, куда их теперь несёт. "Главное, как сказал Миша, не поднимать паники, – подумал Прохор. – Нужно всем дать какие-нибудь задания, а самому незаметно начать тестировать и ремонтировать оборудование.

– Ну вот, друзья мои, угроза и миновала! – сказал изобретатель бодрым голосом. – Теперь мы поднялись выше всего этого сумасшедшего "балагана", и над нами только чистое небо, солнце и больше ничего. Мне остаётся только следить за плавностью нашего полёта, чем я, с радостью, и займусь. А вас попрошу привести в порядок дом, расставить по местам разбросанные ураганом вещи и... И отдыхайте! Наслаждайтесь полётом!

Прохор, конечно, не стал сообщать, что если неуправляемый летательный дом не сбавит скорость и поднимется ещё выше, то наслаждаться полётом придётся не так уж долго, поскольку дышать в верхних слоях атмосферы будет практически нечем.

Елена, как ни странно быстро пришедшая в себя, вышла на кухню, подошла к ящику с съестными припасами, и начала с жадностью поедать всё, что ей попадалось под руку. Ромашкин вытирал тряпкой лужи, оставленные бесстрашным псом Бимом, которому на этот раз действительно выпало перепугаться так, что его даже не ругали за эти лужи. Секретарша Зина добросовестно раскладывала вещи по своим местам, что с её фотографической памятью было делать совсем не трудно.

Посмотрев на озабоченное лицо изобретателя, Синх догадался, что что-то неладно.

– Я хочу помогать в ремонте, – сказал он коротко и уверенно, подойдя к Прохору.

– Всё в порядке, Синх, – быстро улыбнулся изобретатель. – Никакого особого ремонта производить не требуется. Но, если тебе это интересно, можешь следить за этими индикаторами и говорить мне, когда они включаются и выключаются. А я поднимусь на чердак и проверю проводку и механику.

– Очень хорошо, – кивнул чёрно-жёлтой головой понятливый инопланетянин. – Я буду следить и сообщать.

Несколько часов продолжалась работа Прохора и Синха. Позже на помощь пришёл и Миша. Выяснилось, что молния сожгла провода, проходящие по крыше и под ней. Пожар не случился только чудом. В системе управления повредилась куча аккумуляторов, микросхем, конденсаторов, транзисторов, резисторов, датчиков, переходников и прочих немаловажных элементов. Хорошо еще, что у Клюева всегда был большой запас этого добра. Но работы требовалось выполнить много и главное быстро. Проверять, паять и прочее, и прочее...

По расстоянию до облаков, клубящихся внизу, и по достаточному наличию кислорода в воздухе, Прохор прекрасно понимал, что летающий дом, к радости всех его обитателей, выше набранной высоты уже не поднимается. Но определить точную скорость и направление полёта, увы, не представлялось возможным.

Только ближе к вечеру удалось починить часть оборудования, разобраться с антеннами, установить новые солнечные батареи и исправить некоторые неполадки в механической части.

Вот из чердачного люка показалась голова изобретателя. Его помощники, послушно выполняющие все его команды, уставились на своего командира, будто в ожидании «приговора». Мокрый от пота, выпачканный копотью от паяльника, утомлённый, но улыбающийся Прохор Клюев сообщил своим друзьям следующее:

– Как показывает наша, так называемая «нерукотворная навигационная система», которую нам удалось таки соорудить, мы летим на северо-запад. Но куда именно, я сказать пока не могу.

– Почему? – спросили хором Синх и Ромашкин.

– Думаю, мы постараемся определиться с этим вопросом чуть позже, когда солнце опустится и на небе появятся звёзды. Они помогут нам сориентироваться на местности ещё лучше.

Синх и Ромашкин одобрительно закивали головами.

– Каков эффект от солнечных батарей? – спросил Прохор.

– Генератор заработал, дополнительные аккумуляторы медленно, но верно заряжаются, – поспешил сообщить Михаил Ромашкин.

Зина расставила столовые приборы и пригласила всех к столу. Елена разлила по тарелкам суп. Бим уже уплетал из своей миски, довольно облизываясь.

После вкусного ужина все окончательно отошли от утренних потрясений. Устроившись на веранде, любясь заходящим солнцем, купающимся своими лучами в океане пушистых облаков, обитатели летающего дома даже подшучивали друг над другом, вспоминая казусные ситуации во время шторма, и дружно смеялись.

– А какие смешные песенки пел Синх! – вспомнила Елена, смеясь. – Лейтять утки, лейтять утки-и-и!..

– Спойте нам, наш дорогой Синх! – попросили присутствующие.

– Ни в коем случае! – запротестовал чёрно-жёлтый инопланетянин, засмуцавшись. – Я пою только в самых исключительных ситуациях.

– Думаю, в исполнении старины Синха любая песня прозвучала бы великолепно! – с улыбкой заметил Прохор. – Ведь прекрасные вокальные данные нашего друга насыщены полной гаммой тембральных окрасок!

Зная, какой на самом деле у Синха презабавнейший голос, все разом захохотали.

Даже Синх, нисколько не обидевшись, разразился смехом.

Ночь надвигалась. Звёзды становились всё ярче. Домочадцы, зевая, разбрелись по своим кроватям и диванам. Выключили свет. Благодаря отопительным и прочим приборам, в доме было достаточно тепло и уютно. Плавно покачиваясь, будто убаюкивая своих обитателей, передвигался летающий дом по ночному небосклону.

Сидя на веранде, Прохор Клюев продолжал наблюдения за звёздами, вглядывался в созвездия, чертил на карте кривые линии, ставил пометки. Разреженный воздух всё-таки давал о себе знать: Прохора тянуло ко сну. «Мы летели на северо-восток, в сторону Европы, – сказал сам себе Клюев, практически засыпая. – Но из-за потери управления, сбились с курса... Нас несёт в противоположную сторону... Надо будет...»

Больше он сказать сам себе ничего не успел: он уснул.

14

Рассвет одарил рано проснувшихся путешественников приятной прохладой. Солнечные лучи, поочерёдно с любопытством выглядывающие из-за горизонта, несли в себе что-то доброе и приятное. Темнота отступала на запад.

– Не вдаваясь в наивно-банальные восхищения, следует заметить, что утро сегодня выдалось просто восхитительное! – высунув голову в форточку, торжественно сообщил Синх.

– Ага, – подтвердил Ромашкин, зевая. – А где Прохор?

– Он уже работает, – сообщил инопланетянин.

– А почему ты ему не помогаешь? – потягиваясь, шутя, поинтересовался Михаил.

– Да!.. Почему я ему не помогаю?! – переспросил сам себя Синх удивленно, и тут же отправился на помощь изобретателю.

Клюев опять возился на чердаке с микросхемами и проводами.

– Конечно, дорогой Синх, твоя помощь пригодится! – заверил он, выслушав речь шаро-голового инопланетянина. – Помнишь эту кнопку, которую я тебе вчера показывал?

– Конечно!

– Её нужно будет нажать, когда я дам сигнал.

– Я сделаю это, голубчик! – выпалил Синх, поспешив исполнить приказание по команде Клюева.

– Зина! – позвал Синх. – Подойди сюда. Твоя помощь тоже может пригодиться.

Зина не заставила себя долго ждать. Она всегда была рада быть полезной своему доброму начальнику.

Елена готовила завтрак.

Пока никто не видел, Ромашкин подошёл к жене и нежно обнял её за талию.

– Здравствуй, моя помидорка! – шутя, приветствовал Миша.

– Доброе утро, соня! – ласково ответила Елена и Миша поцеловал её в щёчку.

Умывальник находился в коридорчике, недалеко от пульта управления летающим домом. Чистя зубы, Ромашкин увидел в зеркале, как Синх занёс руку над красной кнопкой.

– Давай! – раздался голос изобретателя с чердака.

– Стой! – крикнул Миша Синху, брызгая зубной пастой.

Но было уже поздно. Рука Синха нажала на злополучную красную кнопку и произошло полное отключение всех систем!

Резкий толчок подбросил обитателей вверх и "пригвоздил" к потолку. Летающий дом стремительно понёсся вниз. Елена попыталась отпустить сковородку из руки, но и сковородка оказалась плотно прижатой к потолку. Синх висящий над пультом, в недоумении смотрел на Ромашкина. Ромашкин силился подтянуть себя к пульту, чтобы нажав на кнопку зелё-

ного цвета, снова подключить оборудование, но ему это не удавалось. Прохор тоже не мог ничего предпринять. Ветер безумно свистел над его чердаком, выгоняя из головы все разумные мысли. Из комнаты доносился жуткий лай перепуганного Бима, который, видимо, был прижат к потолку не только своей подстилкой, но и ещё чем-то более неприятным. Только одна робот-секретарша на удивление спокойно справлялась с нагрянувшей вдруг "невесомостью", созданной для всех легковесных путешественников падением дома. Разные сплавы и полужидкие металлы, из которых состояли её внутренности, придавали ей неплохую устойчивость. К счастью, Зина находилась совсем рядом от пульта. Ромашкин висел как раз над её головой.

– Зина! – попросил Ромашкин, как можно вежливее и непринуждённое, что в данной ситуации было совсем непросто. – Вы могли бы оказать нам всем одну маленькую услугу?

– Я слушаю! – ответила секретарша.

– Только не торопитесь... Пожалуйста... Там, на пульте (и он показал пальцем), есть большая зелёная кнопка. Её нужно очень аккуратно нажать.

"Миша, объясняй быстрее, пока мы не разбились!" – хотел уже выкрикнуть Синх, но не решился, боясь сбить Зину с толку.

– Вот эту кнопку? – переспросила на всякий случай мудрая секретарша, осветив зелёную кнопку ярким прямым лучом из своего глаза.

– Да, эту самую, – подтвердил Миша.

– Хорошо, – спокойно сказала Зина.

Она постояла ещё несколько секунд, обдумывая информацию, затем задала крайне важный вопрос:

– А когда её нужно будет нажать?

– Сейчас! – хором воскликнули Синх и Миша.

– Хорошо, – невозмутимо произнесла женщина-робот и нажала на нужную кнопку.

15.

Возвращение антигравитационных механизмов в работу молниеносно произвело эффект обратный предыдущему: всё, что до этого было подкинута под потолок, оказалось на полу. Один только Миша, на пути у которого стояла Зина, оказался не на полу, а на Зине, успевшей его поймать в свои крепкие объятия.

– Ой! – вскрикнул от неожиданности Миша Ромашкин.

– Ой? – переспросила секретарша.

– Что случилось, Миша? Ты не ушибся? – донёсся из кухни взволнованный голос Елены.

– Нет, всё хорошо! – поспешил успокоить её Ромашкин.

Выбежав в коридорчик, узнать в чём дело, Елена, которая всё-ещё держала в руке увесистую сковородку, увидела довольно необычную картину: посреди коридорчика возвышалась секретарша Зина, крепко сжимающая в своих объятиях, будто маленького ребёнка, её законного супруга Мишу, перепачканного зубной пастой, а сзади, глупо улыбаясь, переминался с ноги на ногу инопланетянин Синх.

– Ах-х-х! – выдохнула Елена. – Вот, значит, чем вы тут занимаетесь!

Сердце её бешено забилося и она инстинктивно подняла сковородку. От необычайности и комичности ситуации, Михаила охватил приступ дикого смеха. Синх тоже не выдержал и захихикал.

– Лена... Это... Ха-ха... – смеялся Миша, ненароком подливая масла в огонь. – Это совсем не то... ха-ха... о чём ты подумала!

– Развратник! Извращенец! – негодовала Елена, в которой внезапно разгорелось чувство ревности. – Жены тебе, значит, мало?!

Озадаченная Зина, ничего не понимая, протянула Михаила Елене.

– Возьмите, – любезно сказала секретарша.

Миша засмеялся ещё громче.

– Ах, вы ещё издеваетесь?! – закричала Елена. – Нет уж! Оставьте его себе! Теперь это сокровище Ваше, уважаемая Зина!

И, громко хлопнув дверью, она удалилась на кухню.

Прохор, спустившийся с чердака и успевший застать часть этой сцены, застыл в дверном проёме с открытым ртом. Синх покатывался со смеху.

Секретарша снова притянула Михаила к себе и прижала к груди ещё сильнее. Тут уже Мише стало не до смеха.

– Спасибо большое, что не дали мне разбиться, Зина, поймав меня в свои добрые руки! Но поставьте уже меня, пожалуйста, на пол, – попросил Ромашкин.

Зина послушно выполнила просьбу. Миша поспешил ретироваться перед Еленой, отправившись чистить картошку и, вообще, всячески услуживать ей на кухне, но Лена надулась и не хотела с ним разговаривать до самого обеда.

Синх просто не знал, как ему оправдаться перед Прохором и перед всеми остальными за свою, такую страшную оплошность. Ведь если бы не робот-секретарша, летающий дом вместе со своими постояльцами навсегда бы исчез в глубинах океана, разбившись о его упругую поверхность. В лучшем случае они бы погибли сразу, в худшем – их бы скушали акулы... И как он только смог перепутать кнопки?!

– Хорошо, что всё так хорошо обошлось! – сказал Синх, стараясь не смотреть в глаза Прохору и сохраняя в голосе свой обычный оптимизм, но от изобретателя не ускользнули нотки сожаления о случившемся.

– Ничего, мой друг Синх, – ответил он с пониманием. – Ничего страшного не случилось, а это главное.

Синх сказал сам себе, что этот урок он запомнит надолго, и уже не повторит подобных опрометчивых поступков. В ближайшие часы он больше не хотел напрашиваться в помощники к изобретателю. Уйдя в комнату, инопланетный гость взялся заниматься обучением Бима дивианским обычаям, говоря с ним на языке дивиян.

16.

– Что значит быть писателем? Какой каверзный вопрос! Можно всю жизнь описывать чувства простые, банальные, инстинктивные, низменные... Вот – радость. Вот – горе. Вот – боль... Обрадовали – радуйся. Обидели – горюй. Заболело – терпи... А душа? А духовность?.. Что? Где?.. Последовательность действий, ситуаций. О чём угодно... А о самом главном, о самых глубинных чувствах человека, рассказать то и некогда... Вот – чёрное, вот – белое. Зачем? Для кого? В чём суть? Что из чего проистекает?.. Только копнув глубже, можно распознать, как чёрное становится светлым. И наоборот, светлое – чёрным. Сердце стучит, стучит, стучит... Пытается достучаться до человека. Вот бы и самому человеку, с таким же рвением и терпением, постоянно стараться достучаться до сердца!..

Пётр Данилович поставил на полку очередную, дочитанную им философскую книгу. Взял с подноса чашку свежего кофе, заваренного любимой женой. Отхлебнул. Поблагодарил свою ненаглядную женщину нежным поцелуем. И, погрузившись в своё любимое плетённое кресло, стоящее на балконе, снова углубился в философские размышления.

– Как бездонен океан, так бездонен и мир человеческой души, Петенька, – поддержала любящая жена своего дорогого философа.

– Это так, это так... Но зачастую, люди, сами того не понимая, принимают написанное за буквально происходящее. Будто переносного значения у рассказчика – будь то поэта, философа, проповедника, миссии, пророка – существовать и в мыслях не могло! – вдохновенно произнёс Пётр Данилович. – Почему с такой наивной простотой люди строят своё мировоззрение, тем самым укрепляя даже подсознание, будучи твёрдо уверенными, что всё, что создавалось много веков назад, пусть и во имя справедливости, создавалось на фактически происходящих обстоятельствах, а не писалось с переносным смыслом? И если то, что написано, имеет право относиться к версии, к теоретическому представлению возможного происходящего, то для чего опровергать другие теории, относя их к ложным? Взять, хотя бы религию. Например, в христианской вере рассказывалось, что создатель сотворил Землю и всё живое, включая человека, за 7 дней. Тем самым отрицалась теория эволюции, как богохульство. Пожалуй, здесь налицо явное буквальное понимание. Почему бы не задуматься о том, что, возможно, писалось это великое наследие с несколько переносным смыслом, специально, чтобы малограмотным людям было легче воспринять историю сотворения и взглянуть на мир более светлым взглядом? То же самое и в Коране. Только использованы другие слова, краски и названия... И всё ведь призывает к добру!.. Но... Порой мне кажется, что религии были придуманы для вечной борьбы между их приверженцами.

– Видимо, так уж устроен человеческий разум, Петенька, – заключила жена Петра Даниловича.

– Да, видимо, так устроен разум, – повторил её слова банановый магнат. – Постоянно переходя из крайности в крайность, он быстрее поверит и будет поклоняться чуду, чем сам сделает, что-нибудь, более-менее подходящее под это определение.

Как и обещала взволнованной Елене инопланетянка с апельсиновой кожей и синими волосами, она заботливо и зорко следила за детьми бывшей продавщицы. Было это не так то просто. Обнаружив, что земные малыши приносят намного больше хлопот чем дети далёкой Дивии, Алайя самым тщательным образом выполняла взятые на себя обязательства, охранять и беречь детишек Елены от всякого рода неприятностей, и поэтому была полностью занята ими.

Как нарочно, дети Миши и Лены, эти маленькие неусидчивые «комочки», унаследовали от своих темпераментных родителей весь комплект заряженных «на всю катушку» электронов в молекулярных составах своих организмов.

Куда они только не лезли! Чего они только не творили!

Во время прогулок по замечательному острову бананового магната Алайе приходилось концентрировать своё внимание в самой большой самоотдачей, гоняясь сразу за тремя зайцами. В данном случае «зайцами» являлись непоседы – Дашенька, Геночка и Сашенька Ромашкины.

Несчастные пингвины и павианы, завидев этих «милых крошек», удирали от них, будто от огня! Крокодил, как ушибленный током, выпрыгивал из запруды и пытался взобраться на пальму! А старый мудрый попугай Ара, когда его в очередной раз пытались ухватить за хвост, взлетал на крышу беседки, прикрывал голову разноцветным крылом и твердил одну только фразу: «Катастрофа! Катастр-р-рофа!»

Нередко доставалось от проказников и сыну Алайи. Своими детскими играми, спорами и капризами, озорная малышня поражала Филемона такой непредвиденностью, непредсказуемостью и нелогичностью, что умный инопланетный мальчик впадал в крайнее недоумение и боялся сойти с ума.

«Какое это странное ощущение – боязнь сойти с ума» – думал неземной мальчик, настойчиво помогая маме справляться с земными ребятами, пытаясь угомонить их рассказами

о своей планете, немалыми открытиями в области естествознания и другими серьёзными вещами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.